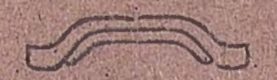
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистич. партия (большев.).

Н. Богомолов.

БОЛЕЗНИ РОСТА
—) ИЛИ (—
организма?

(К вопросу об оздоровлении партии).



Издание Владимирского Губкома.

ВЛАДИМИР.
Государственная типография № 2-й.
1920.

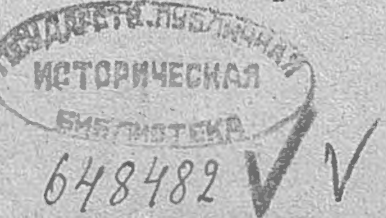


Болезни роста или организма?

Глубоко интересным вопросом, разбиравшимся 10-ой Губконференцией, был несомненно вопрос об очередных задачах нашей партии. Вопрос этот стоял не только как задача определить план и содержание ближайших работ — нет—это скорее было подвопросом, центром же тяжести являлось исследование общепартийных болезней. И результаты работ Конференции в итоге дали ясный конкретно-формулированный анализ этих болезней. „Конференция сделала целое открытие“,—сказал один товарищ, и он был прав в том отношении, что не совсем ясно осознанный вопрос был окончательно выяснен.

На Конференции были по этому вопросу 2 точки зрения,—одна, отличавшаяся ярко выраженной мыслью, что наши болезни—это болезни роста и другая, утверждавшая, что заболел-де весь организм.

Подавляющее большинство осталось за первой. Попытаемся хотя вкратце отметить расхож-



дения этих двух взглядов и выяснить, что же такое болезнь роста и что надо делать теперь для ее излечения.

Одни товарищи на конференции говорили так: „Верхи оторвались от низов, обюрократились, ездят на автомобилях, по театрам, командуют, едят сыр, белый хлеб с маслом, поддались спецам, запутали, изломали стройность Государственно-Пролетарского аппарата, направо и налево оптом и в розницу продают революцию“ и пр. и делали скорбный вывод: „заболел весь наш организм“!

Другие же товарищи так ставили вопрос: „Партия заболела от своего роста“. Исторически неизбежный период руководства организацией пролетарского государства сверху был безболезнен, потому что „партийным и сочувствующим массам нечего было противопоставить этим верхам“ (из резолюц. X Губконф.) Но когда начался рост хозяйственно-строительного сознания, а следовательно и политического — так как строить пролетарское государство можно только, владея соответственным политическим кругозором — старая управленческая система уже перестала быть естественной системой. Требовалось расширение прав местных органов, требовалась перестройка этой системы с расчетом на учет массового опыта, так как „3 летний период строительства заставил массы пред‘являть свои законные хозяйские права“ (из резолюции 10 Губконференции).

Но этот рост опыта, рост хозяйственного сознания масс, рост партии в данном случае был подмечен с опозданием — в результате отжившая, централизованная односторонне сверху, система, неестественно задерживаясь, — стала реакционной и партия заболела „болезнью роста". Вот в кратких чертах основная мысль Конференции (точнее подавляющего большинства).

Группа первых товарищей не дала никакого анализа. Они a priori утверждали, что если кто нибудь стоит „вверху", то он непременно источник всякого зла и думали, что все „верхи" испортились, потому что у них в руках было больше возможностей устроить свою жизнь слаще, чем живут другие. Но ведь, развивая клубок их мысли, можно сказать такую вещь — что всякий кто попадет на организаторский руководящий пост станет непременно и масло потреблять в непотребном по скудному времени количестве, и супругу в автомобиле катать, и все прочее и только потому что он попал „вверх".

Отсюда и вывод их, исходивший из такой точки зрения, являлся вполне для них убедительным и правильным: „заболел-мол весь организм", т. е. иначе говоря все мы загнили какой то паршивой, прилипчивой, отчаянно опасной болезнью. И от того, что они так думали, что кругом все заболело (они словами говорили, что только „верха" болят) и жесты их и даже порывистость говорили

за то, что товарищи вроде как бы в отчаяние впали. И от того тот способ лечиться, который ими предлагался сводился к тому, что „надо все Главки уничтожить“, (паническая боязнь верхов), „надо всем коммунистам жить, как Христос велел“ (дескать раз мы все заболели и нагрешили, так теперь пришла пора посыпать главу пеплом, одевать власяницу и показывать всем пример апостольского покаяния).

Перед тем, как остановиться на разборе второй точки зрения—(точки зрения большинства), отметим как возражала эта часть меньшинству. Сторонников думать, что болезнь отнюдь не результат роста, а что заболел весь организм спрашивали: „что вы понимаете под организмом—из чего он состоит в основе, на чем живут и питаются клетки нашего организма?

Пролетарский централизм, дисциплина, составляющие эти жизненные соки организма, разве они разрушились, исчезли? И что по вашему, когда вы утверждаете, что „тот не коммунист, кто не живет в коммунальном доме“ и когда по условиям тяжелого момента этих домов нет, то значит и партии нет? (ведь подумайте товарищи—много ли из нас живет в коммунальных домах, а те кто в них живет разве не клянут свою судьбу, живя там без воды и без дров с выбитыми окнами) и если Главки стали бюрократичны, то значит ли это, что их надо уничтожить?

Главк это принцип, и виноват не он, а виноват какой то факт не открытый вами! На эти вопросы группа не дала ответа. Условия соразмерности этой краткой статьи не дают более подробно остановиться на анализе этой точки зрения, но итог в двух словах ясен: это меньшинство слишком близоруко рассматривая вопрос пришло к отчаянному выводу: все кругом валится, гибнет, не в кого верить... и только жизнь по „Христу“ спасет нас от язвы.

Товарищи эти может быть на момент, в пылу работ конференции, перестали верить в крепость нашей партии и начав прямо с бюрократии дошли до уничтожения В. С. Н. Х.

Не в обиду им будь сказано, но в эти минуты они заразились новой болезнью—безверья в пролетарскую мощь партии—на минуту, может быть, стали меньшевиками в коммунистической оболочке.

Большинство было резкой противоположностью первым. Большинство логически добралось до причины болезни, оно не начало сразу утверждать то, что потом констатировало как вывод. И оттого рецепты лечения, рекомендованные этим подавляющим большинством (резолюции Губконференции) действительно рациональны и хотя не обязывают всех в рубахах из старых мешков ходить, но, пусть меньшинство успокоится, они верно выведут до чиста все

привиллегии, которыми иные до сих пор пользовались. На разборе этой точки зрения, т. е. на разборе резолюций Губконференции придется остановиться несколько поподробнее. Начнем с принципиальной части—с анализа болезни. Пункт 1-ый говорит о том, какова была психология масс во время совершения Октябрьского переворота, захвата власти в руки трудящихся: „Самые широкие массы этих трудящихся были проникнуты сознанием необходимости завоевания этой власти“...

Коммунистическая Партия была только фокусом этого сознания, наиболее ярким ее выразителем, но партия и массы одинаково понимали свою задачу и она была единственной: захватить власть—„массы шли в ногу с своей Партией“—это первый период.

Затем наступил второй период—период строительства, когда после захвата власти ее необходимо было удержать, а для этого разрушить старый капиталистический аппарат государственной власти и вместе с ним разбить вдребезги и его экономическую систему, начать создавать свой аппарат,—пролетарский, свою систему—пролетарскую. Тут все одинаково понимали свою задачу? Нет, для государственного строительства у масс опыта не было и не только у беспартийных рабочих и крестьян, но и у огромного большинства коммунистов, таких же крестьян и рабочих. Кто стал строить, направлять, руководить? Те у кого

имелся крупный организаторский опыт, у кого было глубокое, теоретическое, марксистское познание— это могучее „орудие производства“ по отношению к новому строю и способность предвидения, как набросать в основе 1-ый абрис пролетарского государства. Много ли было у революционно-настроенного народа таких могущих начать строить?— Нет, это был небольшой круг вождей нашей партии.—История вручила им руководящие нити и массы, не имея еще своего опыта, опят таки пошли нога в ногу с вождями, чувствуя, что момент ставит вопрос ребром—или рассуждать и ничего не создавать, или повиноваться, верить и хоть под абсолютным руководством по программе „сверху“ на каждый шаг, но подвигаться вперед и неустанно строить. Шли опять нога в ногу все, но ряды были перестроены из шеренги в колонну, с вождями во главе.

Наступает 3-й период.

Тяжелый длительный путь по которому шли вожди и ведомые становился не только пройденным путем, но и мерой накопления строительного опыта. Пролетарская демократия в своей системе с‘ездов, собраний, совещаний, пленумов и конференций втягивала широкие массы в государственную работу развивала самодеятельность, а железные условия борьбы за коммунистическую действительность заставляли каждого ловить практическую мудрость опыта жизни и вооружаться им для дальнейшей

борьбы. Начался рост хозяйственного жизненного опыта, пласт за пластом обогащавшего сознание широких масс и казалось бы, что раз масса начинает догонять в познавании творческих строительных задач своих вождей, то дело должно пойти вперед в 3—5—10 раз быстрее и успешнее.

Да, это теоретически верно, практически же дело дошло до того, что пришлось констатировать болезнь партии. Но уже одно то обстоятельство, что рост сознания широких слоев партии, рост массового опыта явился (по времени—так это уже и сейчас после вышеприведенного—беспорно) как бы предшественником ее болезни, говорит, что болезнь нашей партии—есть болезнь ее роста. Зависимость явлений по времени, вообще говоря, является зависимостью механической, но постараемся последовательно найти и причинную зависимость болезни партии от ее роста.

Для примера возьмем хотя бы следующее: рост ребенка сам по себе, как чисто физиологическая функция, не таит никакой болезни. Сказать, что ребенок заболел и слег в постель от того, что ему с пятого на шестой год пошел—так пожалуй никто не скажет. Но если, допустим, ему вплоть до этого возраста ничего кушать не дают, кроме манной каши (которой начинают кормить детей самого маленького возраста), когда организм требует уже разнообразия пищи, если его попытки самостоятельно двигаться хоть по стульям, все время преду-

преждаются десятком заботливых нянек и мамок, его все продолжают пеленать, то от этого ребенок заболеет. И в данном случае, вполне логично, можно развить мысль следующим образом: если бы этот человечек не обладал свойством расти и способностью развиваться, то он не заболел бы, так как и пеленанье, и каша, и тасканье на руках для крохотного возраста не вредные вещи. Но вот когда развивающийся организм требует других условий ухода и воспитания, а об этом забывают, то он заболевает и вся суть лечения такой болезни будет в первую голову состоять в изменении сообразно с его ростом условий его быта. Метафора может и не совсем удачна, но думается она отчасти поясняет тот метод мыслительного анализа нашей болезни, через который большинство пришло к выводу, что мы больны болезнью роста и так, как на вышеприведенном примэре, обстоит дело и с этим явлением. Было уже отмечено, что период сознательно механического подчинения „верхам" (руководящим, хорошим верхам, надо заметить) широких слоев нашей партии и масс неизбежно, как неизбежно было это самое вначале—безоговорочное подчинение, закончился началом второго периода, когда накоплявшийся опыт в массах уже имел что „противопоставить этим верхам" в противовес начальному периоду строительства (см. пун. 2-й принципиальной части резолюции 10 Губконференции). Но исторически правильное, об'ективно-неизбежное

вначале, централизованное только сверху руководство, по закону инерции, пережило свою историческую пору. Физическое об'яснение психологического по существу процесса, конечно, неудовлетворительно и точнее дело сводилось к тому, что верха с запозданием обнаружили тот опыт, который был, хотя и в процессе руководства, только сверху, но накоплен низами. Какие к этому причины? Основные из них, как говорит Губконференция, это „вызванный условиями борьбы централизм, сосредоточивший всю ответственную работу в руках небольшого, сравнительно, круга товарищей“. Именно этот однобокий, с пролетарской точки зрения, вертикальный централизм (вначале обуславливаемый обстоятельствами) и приучил невольно руководящие группы работать только сверху. Когда это было правильно и оправдывалось моментом, тогда это было не реакционно.

Но когда стал намечаться и отливаться в определенные формы рост массового сознания, верх, привыкший расчитывать только на свои силы (как на силы организационные) и в соответствии с этим строивший всю управленческую систему, не мог, понятно, в первое время заметить это, и руководство только сверху перестало соответствовать действительности. Верхи, дольше чем это было на самом деле, думали об организационной неприспособленности руководимых ими низов и продолжали элемент руководства соединять с элементом опеки

(а ребенок уже вырос и в пеленках перестал нуждаться).

А система управления?! А она, как мы уже сказали, строилась тоже на руководство сверху; с ней обстояло еще хуже. Реальность реакционнее идеи (идеи всегда намечают лучше будущее)—и в тот момент даже, когда и с опозданием рост опыта стал подмечаться организаторским центром, система все еще не поддавалась и перестройка ее начавшаяся еще и до Всероссийской партийной Конференции и до нашей Губернской Конференции шла совершенно незаметным шагом. Вот два ярких примера подтверждающих эту мысль: 1) 3-й Всероссийский с'езд Совнархозов, на котором выросшие места срезали на компромисс, не верившего еще этому росту хозяйственного опыта, представителя руководящего верха тов. Милютина—этот 3-й с'езд в смысле расширения прав демократического централизма в управлении промышленностью одержал так сказать победу. А когда мы раз'ехались по местам, то ждать сочетания победившей „ид и" с перестройкой реальности пришлось так долго, что многие товарищи прямо говорили: „центр совершенно не считается с нами". А между тем тут дело обстояло просто—система оказалась менее подвижной, чем уже сдвинутое сознание верхов.

2-й пример: 7-й Всероссийский С'езд Советов своими резолюциями по Советскому строительству разве не констатировал, что теперь уже места вы-

росли и в нашу систему нужно внести горизонтальные элементы демократического централизма. Ну, а разве эти резолюции выполнены? Нет, о чем говорит и наша Губконференция; и здесь тоже самое: „душа“ материи заговорила иное, материя в своих формах продолжает оставаться некоторое время неизменной. Эти примеры взяты из жизни всего Советского Государства. Говоря о нашей партии, нужно помнить, что здесь дело обстояло хуже еще потому, что помимо запоздания оценки местного опыта, по указанным выше причинам, это опоздание обязано еще основному свойству организма нашей партии— железной дисциплине в наших рядах. Эта врожденная дисциплинированность дольше позволяла не замечать роста партийного опыта в низах, чем это можно сказать о Советском организме. И 7-й Всероссийский С'езд Советов для нашей партии прошел только в Октябрьской Всероссийской Конференции. Она фактически своими резолюциями разрешала болезнь. Чтобы вылечить—надо приемы воспитания годовалого ребенка бросить (он, повторяется, вырос). Теперь подведем итоги...

Мы знаем, что болезнь роста партии не была бы болезнью, если бы рост совершался в естественных, до последнего момента, условиях. Но мы констатируем действительную болезнь, выразившуюся в бюрократизме, отрыве руководящих центров от масс, в создавшемся материальном неравенстве. И за то, что большинство конференции характеризо-

вало эти явления, как болезнь роста, меньшинство назвало эту точку зрения оптимистической. Меньшинство так сказало об этом по своей близорукой оценке вопроса.

Мы не оптимистически были настроены, но мы имели причины не скорбеть: разве, сами по себе рост обще-партийного сознания и накопление опыта вещи плохие. Разве наш анализ, анализ большинства не дает верных путей исцеления от болезненных наростов.

Ответ ясен... Несколько слов перед тем, как перейти к оценке практической части резолюции, о бюрократии, отрыве и неравенстве.

В самом деле, неужели бюрократия создалась оттого, что у нас существуют главки—меньшинство так выражали свою мысль (отчего ими и предлагалось для уничтожения бюрократии уничтожить Главки). По нашему это явление об'яснялось всем нашим ходом мыслей иначе. Начавшаяся в первые моменты нашего Советского существования, организация государства сверху, по условиям отсутствия в массах строительного опыта, в практике строительства привела к односторонне-централизованной всей управленческой системе. Но в худшем смысле этого слова, это еще не был бюрократизм. А вот, когда на местах на смену пассивной (но осознанно воспринятой сначала) роли только подчиняться в выполнении распоряжений пришла

способность их критики, тогда и способ, и система управления стали уже неуклюже тяжелыми—бюрократичными. Критика распоряжений центра, подчас меткая, практического применения не находила, благодаря безапелляционной непогрешимости системы.

От этого места стали отрываться от Центра, не чувствуя с ним пользовавший бы его опыт связи, центр, не замечая опыта, в своих действиях стал бюрократичен. Раньше, как бы он ни скомандуй, все было приемлемо; в рассматриваемый момент—приказы перестали быть каждый раз целесообразными—на местах появилась способность оценки. Эта способность критики низами, рост опыта низов, Центром своевременно учтены не были, отсюда места, наталкиваясь на препятствия практическому применению своего опыта—с одной стороны, перестали до известной степени доверять центру—оторвались от него, с другой—их опыт поневоле был мертвым капиталом. Для „центров" тяжесть организационного руководства не ослабевала, а наоборот, благодаря пассивному противлению мест не всегда удачным распоряжениям центра, усиливалась. Центр, усвоив сознание, что есть только он, по инерции продолжал работать сверху и обходя голос мест отрывался, в свою очередь, от последних. У низов сознание необходимости выполнять распоряжения „сверху" соединялось с скверным чувством большой ограниченности в инициативе; шел отрыв—верх не мог положиться как сле-

дует на низа, не замечая их опыта, низ „кипел“ против верхов, будучи богат этим опытом, научившись замечать ошибки центра.

Таким образом бюрократизация и отрыв вместе являлись параллельными процессами, а последний шел с двух сторон—сверху и снизу. Что же касается третьей язвы болезни, создавшегося материального неравенства, то она пожалуй самая незначительная по существу, но самая заметная по внешности. Оттого то меньшинство так много и уделило места в критике болезней этому явлению. И их рецепт жизни „во Христе“—опять-таки не верен. Во 1-х, материальное неравенство есть результат безконтрольной в известной степени системы—это одно об‘яснение явления, и, во 2-х, психология наименее твердой и выдержанной в коммунистической морали и этике части верхов создалась таковой, что привиллегия—это законная мзда за мученичество организаторской работы. Теперь, когда констатирован хозяйственный рост широких кругов, эта часть поймет, что ее и заменить уставшую и разделить с ней тяжесть работы могут и понявши это, она поймет беззаконность этой самой „законной“ мзды.

Переходя ко второй части резолюции Губконференции, мы коснемся вопроса как же и какими дозами принимать лекарство, ибо ведь только еще вскрыты причины болезни, но болезнь не излечена.

Цель лечения должна сводиться, как мы видели, к искоренению бюрократизма (Главкократии, тоже, как назвал бюрократизм т. Троцкий), ликвидации разрыва масс с руководящими элементами, уничтожению комиссарства и неравенства... И лечение должно состоять в изменении внутренних соотношений в партии. Резолюция Губконференции гласит: что „реорганизация партийной работы должна итти в ногу с этим явлением, свидетельствующим о росте сознания и опыта в среде трудящихся: сознав себя хозяевами, они таковыми и должны быть. Оставив руководство за центром, необходимо всю непосредственную работу сохранить на местах и всякие изменения в этой работе производить также с согласия и одобрения широких партийных и пролетарских кругов."

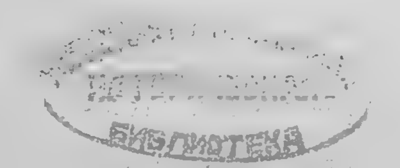
Раз таким образом, рост массового партийного сознания вполне определился, следовательно тяжесть организационно-строительской работы нужно начинать последовательно и бесповоротно перелагать и на периферию, оставляя за центром руководство работой. Но здесь необходим очень важный для дела корректив: в процессе реорганизации партийной работы, нужно очень зорко следить, уметь своевременно подмечать, своевременно обезвреживать проявления махаевщины и анархо-синдикалитских течений. Наша партия не монашествующий орден, она широко открывает доступ всякому желающему в нее вступить и, несомненно,

сторонники децентрализации и деморализации в ней есть... И вот сейчас, в данный, переходный, так сказать, момент для партии, когда должна начаться перестройка существа работы, эти элементы могут начать играть нехорошую игру.

Суть в следующем: махаевщина вместо того, чтобы начать теперь путем трезвой, здоровой критики (как должны это делать сейчас члены партии) исправлять, помогать деятельности руководящих партийных органов, способна вести травлю против всякого „Центра“—будь это уездный, фабричный, заводской, губернский, районный комитет. „Ага! Они Центровики, душители нашей свободной мысли, бюрократы“ и пойдет развиваться интригантский клубок... Сядет махаевщина на руководящий пост, будет „чистить“ следующий „центр“, а партийной массе больше ничего не останется делать, как только с горечью испытывать сознание, что болезнь продолжается и верхи не исправляются.

В теперешний период революционного существования партии весь вошедший в нее безталанный, карьеристский элемент сплошь проникнут махаевскими тенденциями. Если до сих пор в нашей губернской организации их еще не было видно, то нет ничего невозможного, что теперь, после открытия причины болезней, откроются и они... по соображениям изложенным выше.

Анархо-синдикалистские стремления, которыми несомненно заражена часть партийцев, могут сей-



час, при невнимательном (с точки зрения их предупреждения) к ним отношении тоже найти для себя подходящую почву. Расширение прав демократического централизма, средоточие всей непосредственной работы на местах (все то, о чем говорит резолюция Губконференции) ими будут поняты как шаг пролетарской партии в сторону децентрализации. И что это так, то в этом убеждает один, имеющийся уже, случай, когда тенденция самодовлеющей самостийности сказалась очень ярко... Для этих элементов партии вполне логично будет казаться на предложение от выше стоящего органа, ну хотя бы произвести в таком то количестве партийную мобилизацию, ответить: „принимая во внимание то-то и то-то, а также право демократического централизма мобилизацию не проводить, о чем и довести до сведения“...

Представители этих обоих течений в практике своей „деятельности“ не гнушаются и, во всяком случае, способны использовать все те приемы, которые знакомы демагогам...

Вот это перед тем, как начать лечиться, начать „жить по новому“, нам нужно помнить для того, чтобы не употреблять лекарства из нечистой посуды или непомерными дозами. Принимать 2 - 3 порошка в день от боли желудка—это нормальная порция, ну, а если с‘есть сразу в один прием несколько десятков, то живот вспухнет, желудок

испортится и неизвестно спасет ли дело даже операция. Махаевец, непременно, истолкует этот пример по своему: „Вот мол оно—опять рекомендуют быть смиренными, опять все сверху и сверху“, но каждый обладающий пролетарской психологией, а не психологией мелочного продавца, партиец поймет, что речь идет здесь совершенно об ином...

Что же говорит Губконференция по вопросу уже не об анализе болезни, а о ее лечении. Говорит ли она, что никакой руководящий орган не должен быть авторитетом, потому что он вообще „Центр“, или о невозможности невыполнений распоряжений вышестоящих организаций. Конечно нет, ибо опять, не лишне повторить, так могут толковать резолюцию только махаевские и анархо-синдикалистские элементы.

Просмотрим практическую часть резолюции по пунктам:

Пункт 1-й, говорящий „чтобы вся хозяйственная работа на местах была об‘единена и сосредоточена в руках партийных и советских органов“, понятен каждому—речь идет о перестройке системы управления и 8-й Всероссийский С‘езд Советов в лице своих делегатов на местах к разрешению этого вопроса готовится. Для нас важно в этом отношении пока принципиальная сторона дела, именно, что во всех отраслях строительства должна проникать на ряду с подчиненностью некоторых

из них, доселе только сверху, и горизонтальная подчиненность местным органам.

„Чтобы возможно чаще проходили общие партийные, по возможности, открытые собрания, на которых бы ставились и разрешались самые серьезные вопросы нового строительства“—читаем мы далее. Этот пункт, как раз и намечает те организационные формы, помощью которых должен быть охвачен рост массового опыта нашей партии. На самом деле, до сих пор на наших общих партийных собраниях вопросы, о которых трактует этот пункт резолюции, ставились очень редко. Большинство наиболее серьезных вопросов, относящихся к определению принципов работы, намечанию планов ее, разрешаются в узком, сравнительно замкнутом от широких масс, кругу—президиумов, пленумов, в лучшем случае в собраниях с представителями от той или иной организации. Теперь на общих партийных собраниях нужно ставить такие вопросы. С одной стороны сама партийная масса, почувствовав ответственность за дело, раз вопрос серьезен и ставится на обсуждение, свой имеющийся опыт не будет уже молчаливо таить, а активно применит его в таких случаях и руководящим органам будет легче ориентироваться, так как коллективный мозг внесет дельные замечания, мысли по существу вопроса; с другой стороны это будет иметь и громадное воспитывающее влияние, так как лучшей школой коммуниста является практика

активного разрешения важных принципиальных вопросов нашего Советского и партийного строительства.

В целях осуществления постоянно-непрерывающегося контроля и учета работоспособности ответственных работников, Конференция вменяет последним в обязанность следующее своим третьим пунктом: „Все ответственные работники, как партийные, так и беспартийные, стоящие во главе хозяйственных экономических органов и производственных предприятий, отчитывались перед партийными и советскими органами, а также рабоче-крестьянскими массами в своей работе“. И это должно быть проводимо неуклонно в жизнь, так как худшая из наших болезней—бюрократизм, благодаря частым отчетам (именно отчетам, а не бюрократическим докладам, которые часто дышат непогрешимостью) перед широкими партийными и беспартийными массами будет постепенно изживаться. Массы будут исправлять ошибки работы, подмечать неработоспособных —случайно попавших на ответственный пост товарищей и тем самым партия разгрузит ставшее за последнее время громоздким, не соответствующее действительности, понятие—„ответственный“. И здесь, как и в том случае, когда на обсуждение широких слоев ставится тот или иной вопрос руководящей организацией, товарищ, работающий в той или иной области, получит надлежащие указания, обогатит опыт,

скорее осознает свою роль и дальнейший план работы. Для широкого же общения с массами, во избежание бюрократизации работы для почерпывания опыта у масс, Конференция пунктом пятым говорит: „Чтобы переброска партийных и советских работников происходила не только в горизонтальном, но и вертикальном направлении, для чего из Центра и губернии крупные работники временно переводятся в уезды и волости.“ Когда работник перебрасывается по горизонтали (скажем из уезда в уезд), то ему такая переброска пользу приносит основательную в том случае, если на новом месте он попадает на работу ближе с массами связанную. Новизна же места исцеляет и действует до тех пор пока он только не обсидится. В дальнейшем, конечно, благодаря широкой отчетности, контроля над работой, опасность обсидеться, т.-е. обмещанить свою психологию, бюрократизироваться будет меньшей, но все-таки наиболее верным и радикальным средством оживить себя для работы можно только периодическими общениями с массами, путем переброски работников сверху вниз. Как должны производиться переброски, конференция указывает в пункте четвертом: „Чтобы перемещение, удаление и привлечение ответственных работников происходили по ознакомлению на местах партийных и по возможности рабочих масс с причинами, вызвавшими эти перемены“.

Здесь на ряду с безусловной необходимостью

проведения намеченных этим пунктом мероприятий: необходимо отметить, что переброска работников, если, после того, как цель ее об'яснят, не будет иметь согласия местных организаций, то руководящему органу, в случае крайней нужды, принадлежит право решить—перебрасывать, брать работника или же его оставить. Это азбучная истина, но отмечена она потому, что некоторые товарищи совершенно неправильно толковали этот пункт резолюции.

Пунктом 6-м конференция подчеркивает необходимость проведения в практику партийной жизни постановление последней Всероссийской Конференции о создании контрольных комиссий. Их значение и роль в нашей партийной жизни так определяются: „чтобы всюду были организованы из пользующихся доверием партийных и рабочих масс контрольные комиссии, которые разбирали бы все конфликты партийцев, все случаи, когда партийные товарищи бывают замечены в неблаговидных поступках, не соответствующих достоинству партии." Комиссия, стоя обособленно от парткомов, не имея никакой административной власти, вполне может играть роль, если можно так выразиться, суда совести наших парторганизаций.

В настоящей краткой статье мы попытались несколько развить положения Х-й Губконференции и дать более подробный очерк анализа болезней.

Большой вопрос стоит на очереди дня об укреплении партийной работы. Губконференция в резолюциях по организационному вопросу пути эти намечает... Кое что детализировано впоследствии Губкомом; в бюллетенях № 53 помещены тезисы т. Тагунова, но это далеко не все... В ближайшем будущем мы с этим вопросом столкнемся вплотную и безусловно коллективная мысль организации найдет выход... В заключение не бесполезно, думается, привести 2-е небольшие выдержки из книжки т. Ленина „Детская болезнь „Левизны" в коммунизме".

„Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и *в силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть,— войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли".

„Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией“. (Стран. 8-я).

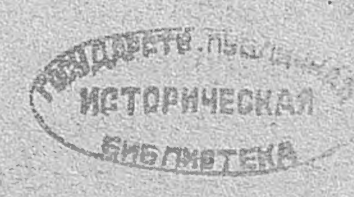
„Отрицание партийности и партийной дисциплины—это равносильно полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии.* Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся *годами* повсюду *после* завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. Уничтожить классы—значит не только прогнать помещиков и капиталистов—это мы сравнительно легко сделали,—это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а

их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы *организаторскую* роль пролетариата (а это его *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов— самая страшная сила. Без партии железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют

те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию. Кто хоть сколько нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата". (Странички 32—33).

Пусть это на новом пути к расширению прав рабочей демократии будет служить оружием против махаевских и анархистских тенденций...

Большая задача стоит перед партией еще вот в каком смысле: опыт масс не имевший до сего времени сферы широкого приложения к его использованию есть опыт *разрозненный*. Путь новой работы—есть путь *собирания* этого опыта; то самое, что мы называем активизацией этого опыта и есть собирание его. Но об этом после.



19 $\frac{17}{XII}$ 20 г.

Р. В. Ц. Губ. гор. Владимир.

